

**ṢĀMAVEDA-
ĀRANYAKA-
SAMAHITĀ**

Published @ 2017 Trieste Publishing Pty Ltd

ISBN 9780649706587

Sāmaveda-Āranyaka-Samahitā by Filipp Fortunatov

Except for use in any review, the reproduction or utilisation of this work in whole or in part in any form by any electronic, mechanical or other means, now known or hereafter invented, including xerography, photocopying and recording, or in any information storage or retrieval system, is forbidden without the permission of the publisher, Trieste Publishing Pty Ltd, PO Box 1576 Collingwood, Victoria 3066 Australia.

All rights reserved.

Edited by Trieste Publishing Pty Ltd.
Cover @ 2017

This book is sold subject to the condition that it shall not, by way of trade or otherwise, be lent, re-sold, hired out, or otherwise circulated without the publisher's prior consent in any form or binding or cover other than that in which it is published and without a similar condition including this condition being imposed on the subsequent purchaser.

www.triestepublishing.com

FILIPP FORTUNATOV

**ṢĀMAVEDA-
ĀRANYAKA-
SAMAHIṬĀ**

SĀMAVEDA-
ĀRANYAKA-SAMHITĀ

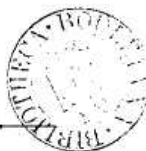
ИЗСЛѢДОВАНИЕ

ФИЛИППА ФОРТУНАТОВА.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

НѢСКОЛЬКО СТРАНИЦЪ ИЗЪ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ

ИНДОЕВРОПЕЙСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

Москва, 1875 г.

Типографія И. И. Родзевича, Тверской бульв., д. Лазарина.

ВВЕДЕНИЕ.

Гимны и священные изречения Ведъ переданы въ четырехъ сборникахъ, которые носятъ слѣдующія названія: ṛgveda, ¹⁾ Sāmaveda, Yajurveda (въ двухъ текстахъ) и Atharvaveda (иначе Brahṃaveda). Къ каждому изъ этихъ названій прибавляется слово saṃhitā „собрание“, для того чтобы отличить основную часть Ведъ, мантры (ед. ч. mantra), т. е. стихи и священные изречения, отъ позднѣйшей богословско-спекулятивной и ритуальной литературы (ед. ч. brāhmaṇa), основанной на мантрахъ и соединяющейся вмѣстѣ съ санхитами подъ общимъ названіемъ Veda (собств. „знаніе, вѣдѣніе“). Каждая изъ четырехъ названныхъ выше Ведъ имѣетъ свои brāhmaṇa, которыя должны быть, однако, строго отдѣляемы отъ санхиты, какъ созданія двухъ совершенно различныхъ эпохъ. Когда мы говоримъ о Ведахъ вообще или о Ригведѣ, Самаведѣ и т. д. въ частности, то разумѣемъ обыкновенно именно санхиты Ведъ, а не ту ученую или ритуальную литературу, которая примыкаетъ къ нимъ какъ обширный комментарий,—канонизированный впоследствии,—къ самому тексту ²⁾. Третью ступень въ развитіи ведійской литературы составляютъ сутры (ед. ч. sūtra), основывающіяся главнымъ образомъ на brāhmaṇa и передающія въ святомъ стилѣ (въ противоположность съ растянутымъ способомъ изложенія въ brāhmaṇa) все, что имѣетъ отношеніе къ ритуалу, построенному на Ведахъ, или къ правиламъ благочестивой жизни и т. д.

Atharvaveda, или Brahṃaveda, есть самая молодая изъ четырехъ Ведъ и никогда не пользовалась въ Индіи тѣмъ значеніемъ, какое имѣютъ три другія Веды. Главное содержаніе Атарваведы состав-

¹⁾ По отсутствію необходимаго шрифта, я долженъ употребить иногда малыя буквы вмѣсто большихъ.

²⁾ Мантры и браhmaṇa носятъ названіе «ṣṛuti», собств. «слушаніе», т. е. то, что слышимо бываетъ. Такимъ образомъ ṣṛuti совпадало съ божественнымъ откровеніемъ (но самое слово не обозначало этого) и противопоставалось smṛti «памятованію» (т. е. тому, что сохраняется по преданію), куда принадлежатъ, напр., законы Ману.

ляют заклинанія и заговоры (*brahman* и *bheshhaḥa*), откуда объясняется и самое названіе ея: *Brahmaveda*, хотя позднѣе это слово толковалось иначе и приводилось въ связь съ *brahman*, названіемъ того жреца, который долженъ наблюдать за правильнымъ совершеніемъ жертвоприношенія. Другое, болѣе распространенное названіе этой Веды: *Atharvaveda* приводитъ ее, для приданія большаго авторитета, въ близкое отношеніе къ священному роду Атарвановъ, рядомъ съ которымъ назывались также и Ангирасы, вслѣдствіе чего мантры Атарваведы носили, между прочимъ, имя: *Atharvāygirāsas*.

Атарваведа состоитъ не только изъ метрическихъ частей, но также и изъ прозаическихъ; *) послѣднія, очевидно, болѣе новаго происхожденія, сравнительно съ первыми, и по характеру языка своего приближаются къ *brāhmaṇa*. Что касается стиховъ Атарваведы, то нѣкоторые изъ нихъ встрѣчаются также и въ другихъ Ведахъ, преимущественно въ десятой книгѣ Ригведы (прибавленной позднѣе къ первымъ девяти), но въ такомъ случаѣ они не рѣдко являются въ Атарваведѣ въ формѣ подновленной или даже искаженной, какъ и вообще текстъ этой Веды переданъ намъ со множествомъ ошибокъ, †) что было слѣдствіемъ сравнительно поздняго составленія сборника или, по крайней мѣрѣ, поздняго его канонизованія. Мы не должны думать, однако, чтобы всѣ мантры Атарваведы уступали по времени своего происхожденія старымъ гимнамъ Ригведы. Нѣкоторые изъ заговоровъ, помѣщенныхъ въ Атарваведѣ, могутъ быть очень древними, но, составляя принадлежность домашняго обихода и не имѣя прямого отношенія къ богопочитанію, эти заклинанія долѣе оставались не собранными и давали, слѣдовательно, все большій и большій просторъ искаженіямъ и подновленіямъ языка, которыя, понятно, должны были явиться потомъ и въ текстѣ записанномъ.

Что касается трехъ первыхъ Ведъ, соединяемыхъ часто подъ общимъ названіемъ *trayī vidyā* („тройное знаніе“), то наименьшую древность должны мы признать за Яджурведой, хотя индійская традиція, перечисляя Веды, называетъ обыкновенно Яджурведу непосредственно за Ригведой. Мнѣніе о болѣе позднемъ происхожденіи Яджурведы, сравнительно съ Самаведой, можетъ опираться, ‡) напр.,

*) *Atharvaveda* дѣлится на 20 книгъ. См. *Atharvaveda—samhita*, herausgegeben von R. Roth und W. D. Whitney. Berlin. 1856.

†) Срав. рассужденіе Pota Ueber den Atharva-Veda. Tübingen. 1856.

‡) Срав. Whitney's Oriental and linguistic Studies, стр. 16.

на слѣдующій стихъ изъ этой послѣдней (I, 4, 2, 3, 10): *ṛsāi sāma yasāmahe yābhūm karṇāni kṛṇvate, vi te sadasi rājato yaṅnam deveshu vakshataḥ*, т. е. „мы почитаемъ стихъ ṛс и стихъ sāman, пособіемъ которыхъ совершаются жертвоприношенія; оба они властвуютъ у алтаря, оба да ведутъ къ богамъ жертву,“⁶⁾ Мы видимъ, что *yaṅus* (жертвенная формула, жертвенное изреченіе) здѣсь вовсе не упоминается, между тѣмъ какъ стихи—*ṛс* и *ṛsāni*—*sāman* являются уже принадлежностью жертвоприношенія. Ригведа часто говоритъ о *ṛsāni* (рядомъ съ *ṛс* напр. въ ст. 5, 44, 14), а слово *yaṅus* въ значеніи жертвенной формулы встрѣчается здѣсь лишь въ позднемъ гимнѣ 10, 90. Но болѣе новое происхожденіе Яджурведы указывается, помимо того, самымъ содержаніемъ этого сборника. Яджурведа получила названіе отъ жертвенныхъ формулъ (*yaṅus*), которыя обязаны своимъ существованіемъ сильному развитію религиозной обрядности. Происхожденіе этихъ формулъ относится не къ эпохѣ созданія древнихъ гимновъ, но къ болѣе позднему времени, когда ритуальгъ сталъ получать все большее и большее значеніе въ богочитаніи и когда сословіе жрецовъ (уже выдѣлившееся) поставило себѣ задачей регулировать религиозную обрядность и развитъ ее до мелочей. Такимъ образомъ назначеніе Яджурведы исключительно литургическое; отдѣльныя жертвенныя изреченія часто не имѣютъ внутренней связи между собою, и эта связь можетъ быть понята лишь по отношенію къ ритуалу, съ которымъ мы знакомимся изъ комментарія къ тексту, а равно изъ брахманъ и сутръ. Яджурведа, отличающаяся обиліемъ школъ,⁷⁾ передана въ двухъ текстахъ, которые различаются одинъ отъ другаго главнымъ образомъ не содержаніемъ, но расположеніемъ матеріала. Одинъ изъ этихъ текстовъ называется Бѣлою Яджурведою, а другой Черною; санхита перваго носитъ имя: *Vājasaneyi-saṁhitā*,⁸⁾ а санхита втораго: *Taittirīya-saṁhitā*.⁹⁾ Что касается

⁶⁾ Ср. въ *Atharvavede* 7, 54, 1, гдѣ, между прочимъ, вѣсто *vakshataḥ* читается *yaschataḥ*, т. е. «оба они доставляютъ (изъявит. накл.) къ богамъ жертву». Въ стихѣ, который слѣдуетъ за этимъ, упоминается и *yaṅus*.

⁷⁾ Это обстоятельство можно поватно, такъ какъ жертвенный ритуальгъ въ его подробностяхъ было не вездѣ одинъ и тотъ же.

⁸⁾ См. *The Vājasaneyi-saṁhitā*, edited by A. Weber. Berlin. 1852.

⁹⁾ См. *Indische Studien*, томъ XI и XII, (1871 и 1872 гг.): *Die Taittirīya-saṁhitā*, herausgegeben von A. Weber. Текстъ изданъ здѣсь въ транскрипціи. Часть этой санхиты, вѣстѣ съ комментаріемъ, была издана уже прежде въ Калкуттѣ въ *Bibliotheca Indica* (деванагарскій шрифтъ).

словъ *vâjasaneyin* (или *vâjasaneya*) и *taittiriya*, то въ нихъ должно видѣть *patronymica*, обозначающія извѣстныя школы; названія же „Бѣлая“ и „Черная“ объясняются Веберомъ ¹⁰⁾ изъ расположенія матеріала: Бѣлая Яджурведа строго отдѣляетъ самыя изреченія и стихи отъ объясненія, приложеннаго къ нимъ, между тѣмъ какъ въ Черной жертвенныя формулы по большей части непосредственно сопровождаются догматическими объясненіями, указаніями на ритуаль и т. д.

Жертвенныя формулы, или *yağus* въ собственномъ смыслѣ, составляютъ половину содержанія Яджурведы (т. е. ея санхитъ) и имѣютъ форму прозаическую, которую, впрочемъ, можно назвать иногда ритмическою прозою. Кромѣ этихъ прозаическихъ *yağus* Яджурведа заключаетъ въ себѣ также много стиховъ, *ṛc*, наибольшую часть которыхъ мы находимъ въ Ригведѣ; но въ Яджурведѣ каждый стихъ получаетъ значеніе жертвенной формулы и связывается съ тою или другою частью жертвеннаго обряда. Стихи, общіе Яджурведѣ съ Ригведою, представляютъ не рѣдко варианты, число которыхъ, впрочемъ, не столь значительно, какъ при сравненіи Самаведы съ Ригведою, да и при томъ по своему второстепенному характеру они не имѣютъ для насъ того интереса, какъ эти послѣдніе. Относительно прозаическихъ *yağus* я думаю, что одні изъ этихъ жертвенныхъ формулъ создавались вновь по мѣрѣ развитія обрядоваго культа, другія же представляли въ основѣ своей обломки старыхъ стиховъ (*ṛc*), приуроченныя къ той или другой части жертвеннаго обряда. Подобнымъ же образомъ объясняю я ниже составъ Стобны (*Stobha*), примыкающей къ Самаведѣ.

Совершенно своеобразную теорію касательно *yağus* и ихъ отношенія къ гимнамъ высказалъ Гаугъ (Haug) въ Введеніи къ своему изданію одной изъ брахманъ Ригведы, именно *Aitareya—Brâhmaṇa*. ¹¹⁾ По мнѣнію Гауга, жертвенныя формулы—*yağus* и тѣ краткія обращенія къ богамъ, которыя мы встрѣчаемъ въ брахманахъ и сутрахъ подъ именемъ *nivid*, предшествовали по времени своего созданія гимнамъ и отличаются, слѣдовательно, особенно глубокою древностію. Изъ гимновъ Гаугъ считаетъ наиболѣе древними тѣ, которые связаны съ жертвоприношеніемъ, между тѣмъ какъ другіе,

¹⁰⁾ Akademische Vorlesungen über indische Literaturgeschichte (Berlin. 1852), стр. 83 и 99.

¹¹⁾ *Aitareya—Brâhmaṇam of the Rig-Veda*. Edited, translated and explained by Martin Haug. Bombay. 1863. См. основательные разборы этого изданія въ *Indische Studien*, т. IX, стр. 177—380. Срав. также Макса Мюллера *Essays*, т. I, стр. 94—105.

выражающіе просто поэтическое міровоззрѣніе или прославление боговъ, онъ относитъ ко временамъ болѣе позднимъ. Я не могу входить здѣсь въ подробный разборъ этой теоріи, противорѣчащей общепринятому въ наукѣ мнѣнію, но долженъ замѣтить, что ка-кихъ-нибудь убѣдительныхъ доказательствъ Гаугъ не представилъ въ пользу своего взгляда. Противъ него говоритъ уже прозаическая форма *yaŕus* и *nivid* (хотя бы мѣстами эта проза и была ритмическою), между тѣмъ какъ у народовъ индо-европейскихъ поэтическія произведенія всегда предшествовали прозаическимъ, что и было замѣчено противъ Гауга Максомъ Мюллеромъ. Относительно краткихъ обращеній къ богамъ, извѣстныхъ подъ именемъ *nivid*, должно быть принято во вниманіе и то, что сама традиція не придавала имъ особенно священнаго значенія, вслѣдствіе чего мы не имѣемъ даже отдѣльнаго текста, въ которомъ онѣ были бы собраны. Естественно предположить поэтому, что и *nivid* произошли, по крайней мѣрѣ, отчасти, изъ обломковъ старыхъ гимновъ, подобно *yaŕus*. Само собою разумѣется, что нѣкоторые краткія обращенія къ богамъ съ мольбою принять участіе въ жертвѣ могли быть созданы въ очень древнее время, и слово *uktha* въ Ригведѣ я понимаю именно въ значеніи жертвеннаго изреченія,¹²⁾ но отсюда далеко еще до той теоріи, выставляемой Гаугомъ, по которой исходнымъ пунктомъ всей устной литературы служатъ жертва и связанная съ нею краткія изреченія, или формулы. Съ такою теоріею я не согласенъ въ принципѣ: не обрядъ и не жертва были первою ступенью въ развитіи богослуженія, но словесное богопочитаніе, гимнъ. Гимны, какъ прославленія боговъ и мольбы къ нимъ, произошли въ свою очередь изъ тѣхъ лирическихъ произведеній, которыя выражали воззрѣніе человѣка на окружающій міръ, его удивленіе и страхъ передъ силами и явленіями природы, облакавшимися въ тотъ или другой осязательный образъ, и мольбы обращенныя къ этой видимой природѣ, а не къ богамъ, которые еще не существовали. Такимъ образомъ жертвенные гимны и жертвенныя формулы должны были имѣть передъ собою длинный рядъ гимновъ совершенно иного характера, и самая жертва, у народовъ индо-европейскихъ, по крайней мѣрѣ,¹³⁾ явилась послѣ славословія

¹²⁾ Мы не знаемъ, однако, на сколько совпадали эти *uktha* съ позднѣйшими *yaŕus*. Срав. объ *uktha* сказанное мною ниже.

¹³⁾ Я имѣю въ виду ограниченное свое положеніе индоевропейскими народами, такъ какъ не могу входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса по отношенію къ другимъ народностямъ.

и молитвы. Въ подтвержденіе этого мы имѣемъ факты, представляемые языкомъ. Въ эпоху совмѣстной жизни индо-европейское племя, вѣроятно, не знало еще жертвы,¹⁴⁾ хотя устная поэзія, несомнѣнно, существовала (какъ это доказывается сравнительной мифологіей), и вотъ позднѣе, когда отдѣльные индо-европейскіе народы молучили надобность въ новомъ словѣ для выраженія новаго понятія, они обратились или къ словамъ, выражавшимъ „дѣйствіе“ (жертвоприношеніе какъ священное дѣйствіе, или дѣйствіе *κατ' ἔξοχήν*), или къ тѣмъ, первоначальное значеніе которыхъ было „закадыванье“, „возліаніе“ и т. д. (смотря по роду жертвы), или же къ другимъ, уже употреблявшимся въ значеніи богопочитанія, и при томъ именно словеснаго, такъ какъ лишь этотъ видъ богослуженія былъ до тѣхъ поръ извѣстенъ. Однимъ изъ убѣдительныхъ примѣровъ можетъ служить сскр *yaśna*, обыкновенное впоследствии слово для выраженія жертвоприношенія. Въ этомъ же значеніи употребляется *yaśna* и въ Ведахъ, но, кромѣ того, оно значить тамъ также „славословіе, гимнъ“. Нельзя думать, конечно, что значеніе „славословіе“ произошло изъ значенія „жертвоприношеніе“, ибо въ такомъ случаѣ было бы непонятно, почему позднѣйшій языкъ удержалъ лишь послѣднее изъ этихъ значеній и совершенно утратилъ первое. Корень, лежащій въ *yaśna*, есть *yaç* „читать“, откуда сскр. глаголь *yaç* и греческ. *ἄζωμα, ἀγος*. Можно предположить поэтому, что *yaśna* сохраняетъ въ Ведахъ общее значеніе: „богопочитаніе“, точно такъ же какъ и глаголь *yaç*, позднѣе „приносить жертву“, здѣсь значить еще вообще „читать боговъ“ какъ гимнами, такъ и жертвою. Совершенно то же находимъ мы и въ языкѣ Авесты, гдѣ *yaç* (= сскр. *yaç*) выражаетъ „читать боговъ“ славословіемъ или жертвою, а *yaśna* (откуда и названіе одной изъ частей Авесты), подобно *yaśna* въ Ведахъ, удерживаетъ оба значенія: „славословіе“ и „жертвоприношеніе“. Итакъ, несомнѣнно, что жертвоприношеніе было извѣстно уже въ ту эпоху, когда племена индійскія составляли одно цѣлое съ племенами эранскими, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно видно, что какъ въ этомъ періодѣ, такъ и позднѣе, по раздѣленіи индо-эранскаго народа, въ значеніи „приносить жертву“, „жертва“ употреблялись слова, пришедшія также къ гимнамъ, или славословіямъ. Очевидно, что этотъ фактъ, добытый изъ языка, никакъ не можетъ служить осно-

¹⁴⁾ По крайней мѣрѣ, не сохранилось никакихъ свидѣтельств объ этомъ. Срав. Фика Die ehemalige Sprachinheit der Indogermaenen Europas, стр. 276.